

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-4-65-74

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.01

Дата поступления: 11.07.2024
рецензирования: 15.08.2024
принятия: 02.12.2024

О предметной области философии международного права

Э. А. Каракулян

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.
Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: isoforma@yahoo.fr

Аннотация: Несмотря на имеющиеся исследования, относящиеся к сфере философии международного права, вопрос о содержании и специфике последней в качестве самостоятельной дисциплины остается открытым. В статье предлагается разработка вопроса о предметно-методологических аспектах данной сферы знаний, ее системно-структурных особенностях по сравнению с иными научными направлениями, касающимися международных отношений. Утверждается тезис о том, что если общим объектом междунaродновeдческих наук, предопределяющим выбор общей методологии, является сумма отношений, составляющих международную жизнь, то предмет каждой отдельной дисциплины, в отличие от смежных, вырабатывается путем конкретизации методов отраслевого направления. В то же время по расширенной аналогии с тем, что философия права признается методологической наукой в отношении иных, специальных правовых дисциплин, философия международного права также может рассматриваться в качестве методологической лаборатории различных дисциплин, объединенных общим объектом международной жизни.

Ключевые слова: философия международного права; методология; теория права; междисциплинарность; международная жизнь; международное сообщество.

Цитирование. Каракулян Э. А. О предметной области философии международного права // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 4. С. 65–74. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-4-65-74>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Каракулян Э. А., 2024

Эмиль Альбертович Каракулян – кандидат юридических наук, доцент кафедры европейского и международного права, юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.07.2024
Revised: 15.08.2024
Accepted: 02.12.2024

About the subject field of the philosophy of international law

E. A. Karakulyan

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: isoforma@yahoo.fr

Abstract: Despite the existing research related to the field of philosophy of international law, the question of the content and specifics of the latter as an independent discipline remains open. The article proposes the development of the question of the subject-methodological aspects of this field of knowledge, its systemic and structural features in comparison with other scientific areas regarding international life. The thesis is stated that if the common object for international studies, which predetermines the choice of a general methodology, is the sum of the relations that make up international life, then the subject of each individual discipline, in contrast to related ones, is developed by concretizing the methods of sectoral direction. At the same time, by extended analogy with the fact that the philosophy of law is recognized as a

methodological science in relation to other, special legal disciplines, the philosophy of international law can also be considered as a methodological laboratory in relation to various disciplines united by the common object of international life.

Key words: philosophy of international law; methodology; theory of law; interdisciplinarity; international life; international community.

Citation. Karakulyan E. A. *O predmetnoi oblasti filosofii mezhdunarodnogo prava* [About the subject field of the philosophy of international law]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 4, pp. 65–74. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-4-65-74> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Karakulyan E. A., 2024

Emil A. Karakulyan – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of European and International Law, Law Faculty, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

Идея международного права имеет по меньшей мере два идейно-исторических истока: внутригосударственный (позднее оценивался как культурно-цивилизационный) и собственно международный.

Постепенно формируемая – в истории политических, правовых, философских учений – собственная предметность теории и философии международного права возникает и развивается именно в силу растущего сознания специфичности предметного поля международного права, что выражается не только в проблематике общей теории международного права по вопросу о взаимодействии международного и внутригосударственного права, но и в том понимании, что далеко не все, что составляет содержание общей философии права, может быть свободно перенесено в сферу международную, – таким образом ставится вопрос о соответствии предмета и метода.

Различие предметных областей философии права и философии международного права можно вывести из различий, известных уже из теории международного права – в части специфики системы международного права, – ее несводимости к системе внутригосударственного права. Как правило, подобные различия выводятся по таким признакам, как субъекты, источники, механизмы регулирования и нормотворчества, объект и предмет регулирования. Отсюда, по аналогии с вышеотмеченными высказываниями, можно заключить, что философия международного права вырастает из общей теории международного права. В известной мере это допустимо, пока это не создает проблем в плане идентификации предметной, дисциплинарной сферы: предмет философии международного права отличается от предмета теории международного права, так же как философия права отличается от общей теории права. В конечном же счете, нет смысла или познавательной ценности в том, чтобы ограничиваться достижениями общей философии права или общей теории международного права при постановке вопроса о сущности, предметном поле и методологическом арсенале философии международного права, хотя действительно сложно в развитии международно-правового дискурса не уклониться отдельно в сторону чистого философствования [1], в сторону теории международного права [2] или теории международных отношений [3].

Философия права занимается осмыслением отношений, возникающих между людьми, которые – в рамках определенного социума – создают между собой историко-, социально- и государственно-правовые механизмы регулирования межличностных отношений (причем последнее становится центральным и основным), включая и естественно-правовые направления, которые апеллируют к неким (предполагаемым) «догосударственным» правовым основаниям. А «межсубъектный» аспект остается во власти общей социологии, в лучшем случае – социологии права.

Философия международного права – согласно тому же принципу *ubi societas ubi jus*, но в ином масштабе – фокусируется на межгосударственных отношениях, международной социальной жизни в целом, в рамках чего и возникают международное право и его механизмы регулирования международных связей, взаимодействий и отношений.

Не вдаваясь в подробности взаимодействия международного и внутригосударственного права, что есть прерогатива общей теории или международно-правовых доктрин, необходимо отметить главное. Философия международного права также начинается с утверждения, сформированного в теории международного права, о том, что отличие системы проводится по аспекту собственного круга субъектов, источников и, что важно подчеркнуть, соответствующих механизмов нормотворчества и регулирования. Иными словами, философия международного права, в целом возникающая после философии и общей теории права, наследует основным их достижениям, а также теории и истории международного права, международных доктрин, превращая данные различных дисциплинарных сфер в определенном методологическом смысле в составную часть собственной предметной сферы. Сама теория и история международного права становится предметом осмысления со стороны философии международного права, чем и определяются отношения между ними по линии части и целого. Сама история права, правовых и философских доктрин отпечатывается в предметном поле философии международного права. Вернее, исторически и теоретически предшествующие дисциплинарные основания (философия права, теория права, теория международного права) становятся предметом верификации – по линии прежде всего логич-

ности и когерентности – со стороны философии международного права.

Это связано не только с тем, что выход на более широкий масштаб позволяет лучше видеть и понимать происходящее в масштабах меньшего уровня (по аналогии с известной формулой: «анатомия человека – ключ к пониманию анатомии обезьяны» [4]). Или это связано не столько с неким универсальным или метатеоретическим характером философии международного права, что само по себе – самостоятельная тема для исследований, сколько с тем, что в предметном поле философии международного права по иному, с иной интенсивностью ставится вопрос о необходимости междисциплинарных методов исследования [5]. Это выражается также и в том, что междисциплинарность становится не только методологическим требованием и принципом, но и, в свою очередь, самостоятельным предметом для анализа, более того – относительно именно международных отношений. Анализ предполагает постановку вопросов о том, что есть и что дает междисциплинарность международным исследованиям и насколько основанная на междисциплинарности методология может быть полем для формирования нового в философии и науке международного права [6, р. 18].

Предметное поле философии международного права, находящееся в объективе международной жизни, формируется в интердисциплинарном пространстве. Но эта интердисциплинарность имплицитна самой специфике сложно сконструированного intersubjectного характера международной социальной сферы. Собственно, во избежание бесконтрольного использования тавтологий, стоит заметить, что жизнь любого субъекта социальна. В известном смысле каков субъект, такова и социальная система, и *vice versa*. При этом из одновременной сложности и специфической примитивности международного сообщества (по сравнению с обычными типами обществ) и проистекают общая методология анализа международной системы в целом и философия международного права в частности. Эти характеристики объекта (как одновременно чрезвычайно сложного и примитивного социального образования) и определяют во многом независимый характер методологии, не только в отношении предмета философии международного права, но и в целом всей возможной философии международных отношений, сообщества или международной жизни на уровне объекта.

Философия международного права выступает, с одной стороны, в качестве самостоятельного, предметного фокуса общего для различных предметных сфер объекта – международной социальной жизни, с другой – методологической лабораторией в отношении других областей знаний о международной жизни. В этом смысле можно частично согласиться с тезисом Д. А. Керимова [7, с. 52] о методологической значимости философии для правовых наук, расширяя при этом представления о происхождении правовой философии

(не только и не столько внутри теории права) и ее значимости – не только для правовых, но и для всех предметно родственных отраслей знания. А в конечном счете, подобно тому, как любая отдельная сфера гуманитарных знаний вносит свой вклад в развитие и обогащение общей сферы гуманитаристики, предназначение философии международного права направлено и в эту сторону.

Иными словами, если абстрактно разделить («препарировать») в целом единый предмет на составные части, то можно сказать, что в правовом аспекте философия международного права касается собственно правовых вопросов истории, теории и системы международного права, различных сторон и форм международного правосознания. В философском измерении категории философии международного права могут быть общими для различных сфер знаний, особенно относительно происходящего в международной жизни. Подобная оценка проистекает из того понимания, что предметом философии международного права является международное право (история, теория, система), а объектом – международная жизнь; в сумме же – и то и другое, выраженное в предельно обобщенном – философском – виде.

Таким образом, необходимо констатировать, что, с одной стороны, (1) объект определяет выбор общей методологии, соответствующей предмету, конкретизация которого происходит при постановке задач, решение которых необходимо для предметной определенности. Последовательная связность конкретизирующих характеристик объекта приводит к видению определенного предметного значения внутри данного объекта – через философский, международный, социальный, политико-правовой, правовой, международно-правовой его аспекты. Подобный контур объект-предметного значения философии международного права иллюстрирует как методологический статус данной дисциплины в отношении иных областей международноведения, так и отличие ее от традиционных для академического образования курсов по философии права (где сохраняется та же взаимосвязь аспектов, за исключением международного и международно-правового).

Итак, в рамках одного объекта могут иметь место разные предметы и соответствующие им методы, тем не менее эти различия небезграничны и неслучайны – они группируются по объектно- и предметно-методологической близости, родовидовой согласованности. Поэтому можно говорить о единстве общей методологии в отношении как объектной, так и предметных сфер знаний о международной жизни, т. е. в рамках различных областей международноведения и, стало быть, различных ответвлений философии международного права, нацеленной на философско-правовое схватывание процессуальности, сущности и явлений международной жизни. Иными словами, в силу того, что центральной тематикой философии международного права является предмет-объектное содержание международной жизни, взятое

в предельно широком и обобщенном плане и выраженное в теории конститутивных процессов, данная дисциплинарная сфера знаний – в силу наличия концептуальных инструментов, необходимых для самых широких обобщений, – возвышается над иными предметными значениями (дисциплинами) международной жизни (международные отношения, международная политология, социология, теория международного права и др.), в рамках которых высказывания о характере объекта если и возможны, то определенно связаны с необходимой степенью абстрагирования и обобщения.

Дискуссия о предмет-объектных разграничениях и дефинициях часто составляет один из вопросов введения в теорию международных отношений. Однако, какими бы ни были определения объекта в плане широты и интегральности обобщений, последние, центрируемые такими категориями, как «совокупность», «система», «целое» международных отношений, тем не менее описываются преимущественно через призму политических межгосударственных отношений и связей (даже если речь идет об экономических, правовых, дипломатических и т. д.), в политологическом или социологическом измерении или в сочетании того и другого: объект как «сложная социально-политическая реальность» [8, с. 7]. Попытка организации комплексного рассмотрения не идет дальше механического, часто формального соединения отдельных прикладных дисциплин, а в лучшем случае – на перекрестке специальных методик. В этом плане оказывается неудовлетворительным определение объекта через «совокупность интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество» [9, с. 19], что выходит за рамки межгосударственности и не учитывает иных направлений международной эволюции [10, с. 17]. Кроме того, каждое направление в теории международных отношений по-своему определяет характер объекта с совершенно конкретной целью обоснования и оправдания активизации соответствующих политических инструментов и действий. При этом понятия «системы» как упорядоченной совокупности и «целого» как некой «суммы, которая больше своих частей», как правило, отождествляются и дальше иллюстрации масштаба исследуемого объекта не идут, т. к. все многообразие проявлений международной жизни рассматривается в конечном счете с позиций специальных дисциплин (политологии, социологии, мировой политики, экономики и т. д.) и доктринальных направлений (реализма, либерализма, марксизма и их новаций). Философско-правовой взгляд на международную жизнь не может ни игнорировать концептуальные структуры, сложившиеся в теории международных отношений, ни ограничиваться последними.

С другой стороны (2), имея в виду принципиальный, существенный характер связи между объектом и методом «первого порядка», предметом и методом «второго порядка» (в терминологии Д. А. Керимова – высшего и низшего уровней

[7, с. 36]), можно утверждать в качестве правила определенную зависимость одного от другого: каков объект, предмет, таков и (соответственно) метод, и характер объекта (предмета) должен определять характер метода. Однако в обратном порядке это можно представить так: характер метода может быть определяющим в отношении в первую очередь характера видения той или иной стороны (аспекта) объекта, предмета. В одном случае (от объекта или предмета к методу) речь идет преимущественно об онтологическом родстве предмета и метода, в другом (от метода к предмету) – о близости в плане гносеологии. Совокупность методов онтологического и гносеологического характера – взятая в связанном и упорядоченном виде – необходима для всестороннего анализа и видения сущности предмета в плане его описания и объяснения.

Однако предметное поле философии международного права должно определять собственный арсенал методов и средств, используемых с целью философского схватывания предмета. Применимость же таковых средств и методов, их эффективность определяются также и в зависимости от того, что находится в объекте, в данном случае – международная (социальная и духовная) жизнь или внутригосударственная. Отсюда становится очевидной необходимость в объективной качественной дифференциации предметных сфер философии права и философии международного права, что, разумеется, не исключает возможности, а местами и необходимости использования концептуальных достижений истории философии и философии применительно к анализу сферы международной.

Таким образом, философия международного права, имея собственную предметность, формируется в широком интерконцептуальном плане, что необходимо для понимания как предельно универсального и общего (в плане объекта), так и предельно индивидуального и частного (в плане предмета – субъектного и межсубъектного) уровней, как природы межгосударственного, так и природы межчеловеческого в структуре международной жизни («общечеловеческого» и «всеобщечеловеческого» – в терминах Ф. М. Достоевского [11, с. 129–149]). Без знаний о природе человека, общества и государства, его властно-правовых институций, что и составляет внутреннее содержание философии международного права, невозможно развернутое и концептуально завершенное построение представлений о жизни в масштабе международного сообщества.

Иными словами, если такие дисциплины, как философия права, общая теория государства и права, еще могут формировать общие дефиниции, реагируя или нет на различия между отдельными правовыми системами в силу того, что речь идет о явлениях одного уровня, то при переходе от философии внутригосударственного права к философии международного на пути сохранения такого

рода методологического единства обнаруживается множество препятствий.

Одна из задач философии международного права состоит в том, чтобы, устраняя и преодолевая различного рода ограничения, максимально основательно проникнуться смыслом исследуемого предмета и в то же время показать, что это может дать, в свою очередь, тем предметным знаниям, без которых междисциплинарный подход был бы невозможен. Междисциплинарность в принципе не работает исключительно в одну сторону, в сторону решения задач внутри одного исследовательского или дисциплинарного значения. В любом случае возникает вопрос о том, какой может быть общая методология, применимая к анализу не только различных международных явлений и знаний, но и различных правовых систем, появляющихся во времени и в пространстве, т. е. в диахронном и синхронном измерениях. В этом отношении необходимо отметить следующее.

Историико-культурные различия – это различия по признаку *происхождения*, в то время как различия по линии международное/внутригосударственное право суть прежде всего различия качественные, т. е. преимущественно по признаку *функционирования*, не только правового, но и социального. В конечном счете речь идет о системе иного качества, масштаба и уровня. Разумеется, могут возникнуть возражения, что существуют еще различия – причем по элементам обеих сторон (*происхождения/функционирования*) – между целыми правовыми семьями, отличающие одну группу национально-правовых систем от другой. Но и в этом случае речь идет о правовых системах одного уровня *предназначения* (государства и его внутригосударственного права, а не международного), к тому же исторически и в современных условиях они проницаемы друг для друга, обнаруживают элементарные заимствования, аналогии или эквиваленты. Правовые семьи, что очевидно, – это продукты родственного происхождения и функционирования национально-правовых систем, но понятие «правовой семьи» не выражает по своему определению специфики международного права.

В отношении идеи проницаемости правовых систем нужно подчеркнуть следующее. В силу различных обстоятельств исторически и теоретически начиная от римского гражданского права формируемые представления о близости или родстве по признакам правовых систем и семей послужили основанием для утверждения того тезиса, что международное право возможно исключительно в условиях цивилизационной близости, вплоть до крайних представлений о международном праве как о праве «цивилизированных народов» или – в рамках общей теории и философии права – о «праве третьего тысячелетия... которое призвано быть в силу самой логики общественного развития *правом цивилизованных народов*» [12, с. 152]. Игнорируемые автором данного высказывания тавтологичность и оценочный характер

понимания «цивизованности» приводят к тому, что под впечатлением от глобализации или возвышенной идеи о ней происходит перенос представлений о праве с одного уровня на другой, в результате пропадает отчетливое восприятие различий между правом внутригосударственным и международным. Разумеется, подобный перенос неоправдан и недопустим с точки зрения требований предметно-методологической чистоты, а также критериев научности, отличных от критериев идеологичности (какая в «грехах» зависимости от идеологических рамок прошлого, от «коммунистических идолов» [12, с. 171], автор не замечает того, как приобретает не менее, а возможно, и более, довлеющие догмы глобалистической идеологии; при этом справедливости ради необходимо отметить, что у данного автора имеются представления, по его словам, о «гуманитарном характере» как противоположности «авантюрного» отношения к праву и легкого заимствования институтов из иных правовых систем [12, с. 10]).

Современные обстоятельства международной жизни, критический взгляд на историю формирования и концептуальные структуры международно-правовых доктрин позволяют видеть в поле международного права не только общие корни цивилизованности, но и собственно междисциплинарный характер [13, с. 102–111]. Такое видение позволяет различать цивилизацию человечества (в единственном числе) и цивилизации (во множественном числе) в историико-культурном и культурно-политическом измерениях, т. е. критически относиться к цивилизаторским наследиям колониализма в действующем и доктринальном международном праве и видеть историико-культурную реальность, необходимую для понимания особенностей формирования политической и правовой субъектности в конечном счете – суверенности, независимости и идентичности.

Таким образом, в категорию качественной сущности или самотождественности (идентичности) правовой системы, ее отличий от другой входит с необходимостью понимание особенностей ее по трем основаниям: *происхождение, функционирование и предназначение*, – из чего и складывается некая культурно-историческая (культурно-политическая, цивилизационная) форма права, а стало быть, и правовой доктрины. В этом смысле если и можно обнаружить различия между внутригосударственными правовыми системами разных государств или правовых семей, то только по первым двум аспектам (и то – на фоне общих исторических закономерностей и параллелей в формировании обычая или законодательных памятников, включая и элементы механизмов функционирования), поскольку предназначение их однородно, свойственно одному, то есть государственному, уровню. Появление и увеличение различий по всем трем основаниям мы видим при переходе к рассмотрению природы и особенностей международного права.

Отсюда следует, что универсальные категории (общей) философии права неприменимы к сфере международного права (из различия объектов по совокупности признаков *происхождения, функционирования и предназначения*), т. е. не являются в то же время универсальностью последней, либо эти категории применимы, и тогда место международного права – в общем ряду сравнительного и исторического правоведения (при условии признания однородности объектов). Но это как отождествить переезд – мысленный или реальный – из одной страны в другую с переездом из страны непременно и мгновенно в международную сферу. Прimitивные или, напротив, искусственные глобалисты так и поступают, полагая, что, двигаясь из одной страны, они оказываются прямым в глобальном мире, разумеется, имея в виду при этом не международные режимы и пространства, а неизменно территории, оборудованные однородными или сходными – на национальном уровне – инфраструктурами и юрисдикциями. В глазах глобалиста мир создан исключительно для него настолько, что и другие субъекты выступают едва ли не в качестве исключительно объектов его глобалистских умозрений. Однако, где бы мы ни были, мы всегда именно *кто-то и где-то*, *de jure* являясь субъектами какого-то права (*ratione personae*) или находясь в пространстве определенной юрисдикции (*ratione loci*), определенной культурной истории. Разумеется, можно отправиться, что называется, в космос (или в любую другую территорию с международным режимом), однако и космонавты, будучи признанными в качестве посланцев всего человечества (что формируется, однако, не в межличностном, а межгосударственном общении), тем не менее имеют какое-то определенное гражданство.

Возможен и третий вариант, когда универсальные категории (общей) философии права применимы, но своеобразно, поскольку представляют собой специфические конструкции и сами по себе не есть совершенные инструменты, т. к. в их содержании проявляются исторические и концептуальные ограничения, обязанные своим возникновением особенностям исторического производства и воспроизводства правовых идей и институтов своего исторического времени и политико-правового пространства.

Иными словами, все исторические формы философии права если и содержат в себе определенный заряд универсальности, то, несомненно, специфическим образом: эти универсальности морфологичны. Неслучайно «закат Европы» в качестве упадка прежде всего единственной цивилизации (стремящейся к универсальному охвату в эпоху колониализма) и соответствующих критериев исключительности и в отношении цивилизованности рассматривается в контексте «очерков морфологии мировой истории» [14].

Отсюда, в частности, очевидны и проблемы, возникающие при постановке вопроса о возможной метатеории, которая бы распространялась

на правовые системы различных уровней. Так, С. С. Алексеев, оставаясь в рамках общей философии и теории права, связывает смысл права, его «тайну» с идеей «закона законов» [12, с. 11], обобщения, которое, по всей видимости, возвышается над любыми возможными различиями правовых систем. Специфика всяких универсалистских построений говорит о том, что логика, находящаяся в их основании и пронизывающая всю конструкцию, оказывается – всегда *не* или далеко *не всегда* – достаточно обоснованной в качестве единственной линии аргументации или единственно возможного типа логики. Более того, именно линейность, исторически культивируемая «разумом Просвещения», играет с ними злую шутку. Но если различные философско-правовые школы и формируют различные типы (формы) универсальности (системы категорий, языка, аргументации), то уже в аспекте множественности закрадывается некое «противоречие в термине». Множество универсальностей, само их наличие оспаривает каждую из них в отдельности. Необходимо признать: либо универсально ориентированные доктрины относительны, либо всякая универсалистская доктрина в качестве универсального множества не может быть частью множества универсальностей, в конечном счете не может быть частью никакой доктрины (согласно с тем, что в математике называют парадоксом Б. Рассела).

С другой стороны, данный вопрос оборачивается вопросом о качестве аргументации, логичности и обоснованности, если не о возможности вообще универсального языка, способа организации мысле-речи (дискурса) и способа повествования (нарратива). Если в рамках одной логики из одной посылки А можно сделать различные выводы в сторону В, С или D и т. д., причем без достаточного объяснения выбранного пути обоснования, а значит, и без критики уязвимости альтернативных логических ходов, то выбор так и останется на уровне предпочтения, а не какой бы то ни было хорошо организованной логической конструкции. Или, иными словами, «разные логики, отличаясь между собой онтологическими и эпистемическими допущениями, по сути, являются теориями этих допущений, а не универсальным инструментом для рассуждений и аргументации относительно любой интересующей нас области знания. Они возникают и оформляются лишь после того, как новая область знаний окажется достаточно хорошо исследована, чтобы постфактум сертифицировать допустимые способы рассуждений о ней» [15, с. 95].

Применительно к правовым суждениям это выражается в том, что в логику правовых рассуждений привносится неправовой элемент или аргумент. «На помощь приходит нечеткая логика, которая приписывает суждению некоторое промежуточное значение между 0 и 1» [15, с. 90]. Либо в рамках аристотелевской логики с ее законом исключения третьего меняется взгляд на основания, и в качестве субстанций предлагаются другие ка-

теории. Либо между истинным и ложным значениями находятся некие промежуточные высказывания, истинность которых ставится в зависимость от временных или, например, процессуальных соотношений. В последнем случае важно понимать, что «если онтология процессов редуцируема к субстанциальной, то нет никакой необходимости в использовании специальной процессуальной логики» [15].

Как правило, подобное усложнение связано с ценностной или политической ориентацией правовой доктрины, где логика процессов уступает логике ценностей. Ценности находятся в основании и в конце доктринальных построений, и если в сфере теории права это не всегда очевидно, то в сфере философии права, философии международного права данное обстоятельство часто выходит на первый план. Поэтому речь должна была бы идти не столько о философии права вообще, сколько преимущественно или в конечном счете о правовой аксиологии, пронизывающей все философско-правовые структуры, для более или менее единого толкования которой формулируются минимально необходимые обоснования. В этом смысле речь может идти о моральной или теологической философии права. Или, например, в форме исторической школы права, абсолютизирующей соответствующую категорию «духа», причем неважно – народного или цивилизационного, что само по себе в принципе имеет право на существование и культивирование, но, так или иначе, рискуя превысить рамки собственно (или «чисто») философско-правовых обоснований. В противном случае возможна постановка вопроса о характере рациональности или об ином понимании того, какой может и должна быть философия права, рассмотренная под увеличительным стеклом прерогатив научности.

Если оказывается невозможным выбор оптимальной («подходящей») доктрины для описания и объяснения предмет-объектной сферы знания на научной основе (т. к. в условиях относительности возникает вопрос о факторе внерациональных предпочтений), то при отказе от поиска универсальных построений надпредметного (вертикально ориентированного) порядка – что чаще всего связывают с теорией «знаков, а не конкретных онтологий и языков» [15, с. 95] логики – тем не менее остается возможным поиск общих для различных доктрин (нацеленных на постижение общего предмет-объектного содержания) логико-концептуальных структур (горизонтально ориентированного порядка). Или, по меньшей мере, постановка вопроса о возможности такого поиска.

Построенная таким образом доктрина должна, по идее, касаться основных, базовых и первичных, категорий, прежде всего философских – в силу максимальной, предельной генерализации событий и фактов предмет-объектного поля, и правовых – в силу необходимости выявления в последних правового содержания (то же самое в отношении иных предметных атрибутов объектного поля – социологических, политологических и т. д.).

Данные базовые категории, в силу их предельной обобщенности, призваны быть инструментами для понимания как практики международных отношений, так и различных способов отражения этой практики на уровне той или иной теории; иными словами, они применимы как для осмысления «вещей», так и «идей», субстанций и их процессуального отражения, характеризующих международную жизнь и международное право. В этом и состоит основная задача философии международного права, рассматривающая международную (социальную, политическую и правовую) жизнь в фундаментальных своих основаниях, выраженных процессуально. Иными словами, задача состоит в том, чтобы увидеть сущность в процессе и процесс в сущности как в диалектическом взаимодействии, так и в общем метафизическом или метаправовом обрамлении. И если за каждой из возможных логик скрывается своя метафизическая теория (например, самотождественность субстанций Аристотеля, недостижимость самотождества в условиях всеобщей изменчивости Гераклита, тождество мышления и бытия Парменида), то речь должна идти о необходимости поиска общих структур самотождественности предмета философии международного права на разных этапах и в разных концептуальных воплощениях.

Это, однако, не означает, что речь идет исключительно о необходимости утверждения и развития некоего «научно-нейтрального» взгляда по поводу сущности объективной реальности, в которой разворачивается предметное поле философии международного права. Собственно говоря, любое доктринальное направление претендует на свое изложение и утверждение нейтральности научного типа. В этом и состоит своего рода междоктринальная борьба за научное отражение предмета, за развитие и экспансию соответствующего дискурса, определяющего нарративы более «приземленного», вплоть до политтехнологического, уровня.

Таким образом, всякого рода иные компоненты доктрины, главным образом идеологические, метафизические, теологические, политические и др., не исключаются (в силу неотъемлемой природы гуманитарных знаний). Отражение данных аспектов доктрин происходит при постановке вопроса об отличительности их содержания от содержания первичных задач, степени близости их родства с предметным содержанием дисциплины. Данные характеристики международно-правовых доктрин выступают прежде всего условиями – исторического и доктринального свойства – формирования последних. Иными словами, речь идет о формируемых в объективной мировоззренческой среде определенных характеров права [16, с. 218–231] и стилей мышления [17, с. 221; 18, с. 201–214], образов и парадигм [19, с. 28], собственных определений определенной исторической эпохи или периода в развитии знаний, идейно-ценностных школ и направлений. Будучи таковыми, они могут быть отнесены к *историко-концептуальным* основаниям философско-правовых доктрин или к расширен-

ному толкованию введенного К. Марксом понятия об «объективных мыслительных формах» – не столько или не только с точки зрения формационного, сколько и с позиций культурно-цивилизационного подхода (хотя и имеющего место в теории Маркса, но оставшегося лишь в намеченном виде [20, с. 225]).

Кроме того, базовые категории, используемые для описания конституирующих (составляющих и «учреждающих») процессов международной (правовой) жизни – в силу их общности в отношении различных доктрин – носят характер *интерконцептуальных* оснований.

Общие историко- и интерконцептуальные структуры относительно всего теоретического построения носят конститутивный характер, т. е. предопределяющий в отношении любых возможных последующих правовых явлений и способов рассуждений, семантика которых по отдельности или суммарно, в терминологии Дж. Р. Серла, может представлять собой «ряд систем конститутивных правил» [21, с. 51]. Поиск и выявление их происходят в рамках аналитического обзора и сопоставления различных теоретических положений разных доктрин, демонстрирующих их взаимосвязанный идейный и исторический характер в диахронном и синхронном измерениях. Историко-концептуальный характер говорит об исторической и теоретической *междисциплинарности*, вытекающей из объективности исторических мыслительных форм и их линейных направлений.

Но критика последних может быть полезной и необходимой и при постановке вопроса о возможности построения и оформления качества *нового* или, во всяком случае, необходимо *приемлемого* в системе философско-правовых знаний. Любая доктрина так или иначе должна содержать в себе отражения того знания (или сознания), которое можно отнести к объективным, историческим или современным, «мыслительным формам».

Таким образом, при оформлении и применении методологии выявления и учета историко-идейных и межидейных оснований, компонентов и характеристик и вырабатываются центральное содержание и понимание предмета философии международного права, т. е. с точки зрения исторически эволюционного и концептуально-системного состояния основных категорий философии международного права.

Другой методологический ход или требование к определению предмета состоит в том, чтобы видеть предмет в состоянии появления, «рождения», имея в виду, что именно в «этот момент»

и закладываются смысл и содержание предмета. Объективная «безграничность» международной жизни очерчивается и конкретизируется определением предмета, начинающегося в данном случае с оформлением первичных социальных форм на международной арене. Поэтому под международным сообществом, для которого в какой-то момент возникает система международного права, понимаются сфера и специфика, момент и процесс *международного общения*, выраженного с различной степенью систематизации и правового и доктринального оформления.

Собственно, данная категория «международного общения», свойственная классической науке международного права, в частности в рамках российской школы международного права дореволюционного времени [22, с. 110], по некоторым основаниям выгодно отличается от понятия «международного сообщества». Прежде всего тем, что в отличие от последнего, часто дискуссионно, если не крайне виртуально воспринимаемого, оно говорит преимущественно о реальности *процесса* взаимодействия, превышающего рамки *системного функционирования* международного права. Однако любые способы выражения системы международного права возможны именно при условии исторического и концептуального схватывания системообразующих процессов, характеризующих то, что называют международным общением. Системообразующие, или конститутивные процессы, их взаимодействие и развитие предшествуют формированию позитивной системы международного права и не прекращаются с появлением последней. В этом смысле предметным ядром или основанием философии международного права оказывается теория конститутивных процессов международного общения, сообщества, жизни, т. е. процессов, приводящих к их систематизации и формированию социально-правовой и сугубо правовой системы институтов и норм, т. е. собственно правовой системы и концептуальных способов ее отражения. Последнее, по сути, означает, что таким образом реализуется метод одновременного концептуального удержания непосредственного содержания предмета и в то же время – мысли о нем. Концептуальное удержание предмета в его дисциплинарных рамках должно сопровождаться критикой в отношении используемых инструментов мысли. Всем этим и определяется смысл конститутивности, т. е. идеи конститутивных процессов, формирующих специфику предмет-объектного состояния – в онтологическом и гносеологическом измерениях.

Библиографический список

1. Черниченко С. В. Очерки по философии международного права. Москва, 2002.
2. Каламкьян Р. А. Философия международного права. Москва: Наука, 2006. 207 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20038042>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qwmutf>.
3. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учебник для вузов / под ред. П. А. Цыганкова. Москва: Юрайт, 2024. 317 с. URL: <https://urait.ru/book/teoriya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-536156>.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 42.
5. Каракулян Э. А. Методология междисциплинарных исследований и наука международного права // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.20>. EDN: <https://www.elibrary.ru/agtwhl>.
6. Koskeniemi M. Law, Teleology and International Relations: An Essay in Counterdisciplinarity // International Relations. 2012. Vol. 26, issue 1, pp. 3–34. DOI: <http://doi.org/10.1177/0047117811433080>.
7. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции проблемы философии права. 2-е изд. Москва: Аванта+, 2001. 559 с. URL: <https://web.archive.org/web/20170414201019/http://lib.sale/prava-filosofiya/metodologiya-prava-predmet-funktsii-problemyi.html>.
8. Баженов А. М. Социология международных отношений: учебное пособие. Москва: ЦСПиМ, 2013. 300 с. URL: <https://socioline.ru/files/5/48/bazenov.pdf>.
9. Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок. Москва, 1981. 447 с.
10. Дононбаев А. Международные отношения. Теория и практика: учебник. Часть 1. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 586 с. URL: <http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/6206.pdf>.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Ленинград: Наука, 1984. 522 с. URL: <https://djvu.online/file/Qf9OMx7JDpM3E>.
12. Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. Москва: Норма, Инфра-М, 2011. 176 с.
13. Каракулян Э. А. Идея цивилизации в постклассических международно-правовых и политических концепциях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 102–111. DOI: http://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_102.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Москва: Мысль, 1993. 663 с. URL: <https://djvu.online/file/NRzvWZ3MPBIW>.
15. Шалак В. И. Об истоках множественности логик // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15, № 4. С. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-4-88-97>.
16. Каракулян Э. А. Персонализация Мира. Контуры интерконцептуальной парадигмы философии международного права: монография. Москва: РУСАЙНС, 2022. 314 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49329647>. EDN: <https://www.elibrary.ru/niodad>.
17. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. Санкт-Петербург, 2016. С. 218–294.
18. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку: монография / под ред. доктора юрид. наук А. В. Аверина, доктора юрид. наук, проф. М. Л. Давыдовой. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. 242 с.
19. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. Москва: Прогресс, 1977. 300 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/pozitivizm/tomas_kun_struktura_nauchnykh_revolyucij_s_vvodnoj_statej_i_dopolnenijami_1969_g/74-1-0-237.
20. Маркс К. К критике политической экономии. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1949. 271 с. URL: <https://djvu.online/file/YSu1bRX1bhuoD>.
21. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016. 236 с. DOI: <http://doi.org/10.17223/978-5-7511-2380-2>.
22. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1 (под ред. и с биограф. очерком д-ра юрид. наук, проф. В. А. Томсинова). Москва: Зерцало, 2008. 209 с. URL: http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2017/10/Мартенс-Ф.Ф._Современное_международное_право_цивилизovaných_народов-том-1.pdf.

References

1. Chernichenko S. V. *Ocherki po filosofii mezhdunarodnogo prava* [Essays on the philosophy of international law]. Moscow, 2002. [in Russian].
2. Kalamkaryan R. A. *Filosofiya mezhdunarodnogo prava* [Philosophy of international law]. Moscow: Nauka, 2006, 207 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20038042>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qwmutf>. [in Russian].
3. Tsygankov P. A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: uchebnik dlya vuzov. Pod red. P. A. Tsygankova* [Tsygankov P. A. Theory of international relations: textbook for universities; Tsygankov P. A. (ed.)]. Moscow: Yurait, 2024, 317 p. Available at: <https://urait.ru/book/teoriya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-536156> [in Russian].
4. Marx K., Engels F. *Sochineniya, 2-e izd., t. 46, ch. I, S. 42* [Writings, 2nd edition, vol. 46, part 1, p. 42]. Available at: <https://marx-engels.su/46-1.pdf> [in Russian].
5. Karakulyan E. A. *Metodologiya mezhdistsiplinarnykh issledovaniy i nauka mezhdunarodnogo prava* [The methodology of interdisciplinary research and the science of international law]. *Pravovaya paradihma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.20>. EDN: <https://www.elibrary.ru/agtwhl> [in Russian].

6. Koskenniemi M. Law, Teleology and International Relations: An Essay in Counterdisciplinarity. *International Relations*, 2012, vol. 26, issue 1, pp. 3–34. DOI: <http://doi.org/10.1177/0047117811433080>.
7. Kerimov D. A. *Metodologiya prava. Predmet, funktsii problemy filosofii prava. 2 izdanie* [Methodology of law. Subject, functions, problems of philosophy of law. 2nd edition]. Moscow: Avanta+, 2001, 559 p. Available at: <https://web.archive.org/web/20170414201019/http://lib.sale/prava-filosofiya/metodologiya-prava-predmet-funktsii-problemyi.html> [in Russian].
8. Bazhenov A. M. *Sotsiologiya mezhdunarodnykh otnoshenii: uchebnoe posobie* [Sociology of international relations: textbook]. Moscow: TsSPiM, 2013, 300 p. Available at: <https://socioline.ru/files/5/48/bazenov.pdf> [in Russian].
9. Shakhnazarov G. Kh. *Gryadushchii miroporyadok* [Coming world order]. Moscow, 1981, 447 p. [in Russian].
10. Dononbaev A. *Mezhdunarodnye otnosheniya. Teoriya i praktika: uchebnik. Chast' I* [International relations. Theory and practice: textbook. Part 1]. Bishkek: Izd-vo KRSU, 2015, 586 p. Available at: <http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/6206.pdf> [in Russian].
11. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 26* [Complete works, vol. 26]. Leningrad: Nauka, 1984, 522 p. Available at: <https://djvu.online/file/Qf9OMx7JDpM3E> [in Russian].
12. Alekseev S. S. *Taina i sila prava. Nauka prava: novye podkhody i idei. Pravo v zhizni i sud'be lyudei* [The mystery and power of law. Science of law: new approaches and ideas. Law in life and destiny of people]. Moscow: Norma, Infra-M, 2011, 176 p. [in Russian].
13. Karakulyan E. A. *Ideya tsivilizatsii v postklassicheskikh mezhdunarodno-pravovykh i politicheskikh kontseptsiyakh* [The idea of civilization in post-classical international legal and political concepts]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2022, no. 5, pp. 102–111. DOI: http://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_102 [in Russian].
14. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Moscow: Mysl', 1993, 663 p. Available at: <https://djvu.online/file/NRzvjWZ3MPBIW> [in Russian].
15. Shalack V. I. *Ob istokakh mnozhestvennosti logik* [On the origins of logical pluralism]. *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-4-88-97> [in Russian].
16. Karakulyan E. A. *Personalizatsiya Mira. Kontury interkontseptual'noi paradigmy filosofii mezhdunarodnogo prava: monografiya* [Personalization of the World. Outlines of the interconceptual paradigm of the philosophy of international law: monograph]. Moscow: RUSAINS, 2022, 314 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49329647>. EDN: <https://www.elibrary.ru/niodad> [in Russian].
17. Timoshina E. V. *Klassicheskoe i postklassicheskoe pravoponimanie kak stili filosofsko-pravovogo myshleniya* [Classical and post-classical legal recollection as styles of philosophical and legal thinking]. In: *Postklassicheskaya ontologiya prava: monografiya. Pod red. I. L. Chestnova* [Chestnov I. L. (ed.) Postclassical ontology of law: monograph]. Saint Petersburg, 2016, pp. 218–294 [in Russian].
18. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoi tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku: monografiya. Pod red. doktora yurid. nauk A. V. Averina, doktora yurid. nauk, prof. M. L. Davydovoi* [Averin A. V., Davydova M. L. (eds.) Theory and metatheory of legal technique: from legal consciousness to legal order: monograph]. Vladimir: Vladimirskii filial RANKhiGS, 2022, 242 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49850777>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aqehcb> [in Russian].
19. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii. S vvodnoi stat'ei i dopolneniyami 1969 g.* [The structure of scientific revolutions. With an introductory article and additions, 1969]. Moscow: Progress, 1977, 300 p. Available at: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/pozitivizm/tomas_kun_struktura_nauchnykh_revolyutsij_s_vvodnoj_statej_i_dopolneniyami_1969_g/74-1-0-237 [in Russian].
20. Marx K. *K kritike politicheskoi ekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1949, 271 p. Available at: <https://djvu.online/file/YSu1bRX1bhuoD> [in Russian].
21. Ogleznev V. V., Surovtsev V. A. *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskii yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, legal language and philosophy of law]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 236 p. DOI: <http://doi.org/10.17223/978-5-7511-2380-2> [in Russian].
22. Martens F. F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov : v 2 t. T. 1 (pod red. i s biograf. ocherkom doktora yuridicheskikh nauk, prof. V. A. Tomsinova)* [Contemporary international law of civilized nations: in 2 vols. Vol. 1 (ed. by and with a biographical essay by Doctor of Laws, professor V. A. Tomsinov)]. Moscow: Zertsalo, 2008, 209 p. Available at: http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2017/10/Мартенс-Ф.Ф._Современное_международное_право_цивилизованных_народов-том-1.pdf [in Russian].